

ИНТЕРВЬЮ

«ГЛАВНАЯ ФУНКЦИЯ НАШЕЙ НАУКИ – ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ»: ИНТЕРВЬЮ

**А.В. СЕЛЕЗНЕВОЙ С Е.Б. ШЕСТОПАЛ,
ПРОФЕССОРОМ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

Для цитирования: «Главная функция нашей науки – психотерапевтическая»: интервью А.В. Селезневой с Е.Б. Шестопал, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 161–173. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.07>

А.В. Селезнева. Дорогая Елена Борисовна, спасибо большое, что вы согласились дать нам интервью. Первый вопрос, который я хотела бы вам задать, носит понятийный характер. В научном дискурсе используются понятия «политическая психология» и «психология политики». Это тождественные понятия или разные? Что они обозначают и в каких контекстах они могут быть использованы?

Е.Б. Шестопал. Это вопрос исключительно личного выбора исследователя. Был такой политический психолог Александр Иванович Юрьев. Он использовал понятие «психология политики» и считал, что это совсем не то же самое, что политическая психология [Юрьев, 1992]. У него был свой резон на этот счет. Он говорил о том, что слово «психология», если оно ключевое, то это психологический взгляд на политику. А если наоборот, то ключевым словом является «политика» и, следовательно, это исследование политолога, который использует психологические инструменты или интересуется психологическими аспектами. Что касается меня, то я и в своих учебниках [Шестопал, 2018; 2022], и в других публикациях [Шестопал, 2013; 2019 б] всегда исхожу из того, что не так важно, как это называть, важно то, про что эта наука. На са-

мом деле главное, что и как ты изучаешь, а не то, как ты это называешь. Потому что на самом деле можно заниматься политической психологией и в сфере психологии, и в сфере политологии. Вот на нашей кафедре и в нашей научной школе мы все-таки себя идентифицируем как политологи – специалисты в области политической психологии. От этого мы и отталкиваемся, когда говорим о предмете своей дисциплины. Нам психология нужна для того, чтобы понимать политические процессы, политических акторов, массовое сознание, почему и как оно реагирует на политику. Если же вы занимаетесь психологией, то для вас политическая психология – это просто одна из прикладных областей психологии, которая показывает, как психологические закономерности проявляют себя в сфере политики. Точно так же, например, экономическая психология будет интересоваться экономикой ровно в той степени, в какой экономика подтверждает или опровергает те психологические закономерности, которые были открыты ранее. На мой взгляд, то, чем мы занимаемся, это политическая наука, а политическая психология – одна из ее субдисциплин. И отсюда акцент делается на политическом процессе и политической системе, в которых нас интересует то самое человеческое измерение, которое, собственно говоря, под словом «психология» обычно и понимают.

А.В. Селезнева. Спасибо. В масштабах вечности политическая психология – наука молодая. Относительно, конечно.

Е.Б. Шестопал. Есть уже и помоложе.

А.В. Селезнева. Согласна. Но даже если мы посмотрим на политическую психологию в общемировом масштабе, то наша отечественная исследовательская традиция занимает в этом промежутке времени довольно значительный отрезок. С начала 1990-х годов или даже с конца 1980-х годов у нас формируется и развивается собственная исследовательская традиция, разные школы и так далее. Вот как вам видится, что наша национальная политическая психология или отечественная политическая психология дала общемировой или вообще политической психологии?

Е.Б. Шестопал. Вы знаете, это очень сложный вопрос. Оценивая вклад национальной школы политической науки в мировом масштабе, я, честно говоря, вряд ли смогу дать всеобъемлющий ответ. Что касается политической психологии, здесь все не совсем так, как в других политологических субдисциплинах. Например, первые работы по политической психологии были написаны еще в начале 1980-х. Вот наша первая с Ю.А. Шерковиным статья в журнале «Вопросы психологии» вышла в 1980-м году [Шерковин,

Столбун, 1980]. Одна из первых описательных статей о том, чем занимается политическая психология, была написана психологом С.К. Роциным [Роцин, 1980]. Это был 1981 год. То есть, в отличие от многих других субдисциплин, для которых было характерно «догоняющее развитие», политическая психология в нашей стране начала развиваться примерно в то же самое время, что и в развитых странах Запада – в европейских странах, в США. Поэтому с этой точки зрения у нас и отставания-то и не было. В 1980-е годы трудились и вносили свой вклад в современную политическую науку, хотя она тогда официально не была признана, Юрий Александрович Шерковин, Герман Германович Дилигенский, Владимир Израилевич Гантман и его дочь Екатерина Владимировна Егорова-Гантман. В частности, Г.Г. Дилигенский занимался настоящей политической психологией, хотя называл ее социально-политической психологией [Дилигенский, 1996]. Или Игорь Михайлович Бунин, который написал книгу о французской буржуазии [Бунин, 1978], будучи историком. Но то, что он там писал, это чистая политическая психология. Важно, что предмет этот у отечественных исследователей вызывал интерес уже в 1980-е годы. На самом деле, если говорить о предтечах, о тех, кто, так сказать, создавал саму основу, на которой потом выросла политическая психология, то нельзя не упомянуть и Юрия Александровича Замошкина, и Игоря Семеновича Кона, и Владимира Александровича Ядова, и Андрея Григорьевича Здравомыслова, и многих-многих других историков, философов, политологов, психологов и социологов, которые работали на стыке дисциплин и использовали знания психологии для понимания политических процессов.

Вы задали вопрос о том, какой вклад отечественная политическая психология вносила, вносит и будет вносить в мировой исследовательский дискурс. Я считаю, это, прежде всего, проблематика, связанная с образами, с восприятием, которая на протяжении последних 30 лет вызывала наш с вами интерес. Я бы сказала так – ничего подобного нет в развитии политической психологии в США. Про Европу я просто молчу, потому что там пустыня с этой точки зрения. Там вообще политической психологии до сих пор почти нет, есть отдельные научные школы, отдельные имена. А у нас этим занимались очень серьезно. И вот когда приходится общаться с коллегами за рубежом и рассказывать о наших исследованиях на конференциях, в каких-то встречах научных и так далее, то они с огромным интересом слушают, более того, приглашают читать лекции. Я с этими лекциями обхала полмира, и

вездে это вызывало огромный интерес. На конференциях Международного общества политических психологов (International Society of Political Psychology, ISPP) наша тематика всегда вызывает живейший интерес. Книга, которую мы опубликовали в России в 2015 г., называлась «Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России» [Путин 3.0. ..., 2015]. В США ее захотели перевести, но испугались слова «Путин» в названии, поэтому перевели и опубликовали, сместив акценты в названии [Shestopal, 2016]. Как видим, интерес есть, и думаю, что наш вклад в мировую политическую психологию весьма солидный.

Помимо проблематики политического восприятия, важно отметить исследования ценностей, которыми Вы занимаетесь. Есть несколько исследователей, которые всерьез этим занимались, но скорее в сфере психологии и социологии, чем политологии. Причем то, что у нас делается и издается [Селезнева, 2019], ничуть не ниже по качеству, чем за рубежом.

Если говорить, какие еще есть значимые области политической психологии, это то, что мы делаем по лидерству, те две монографии по психологии лидеров и элит, которые у нас вышли [Человеческий капитал ..., 2012; Современная элита России ..., 2015]. Они вполне могут считаться серьезным вкладом в изучение этой проблематики.

Но про лидерство мы, может быть, отдельно как-то скажем, потому что, на самом деле, это та самая проблематика, которая всегда находилась в центре предмета политической психологии. Ни одна другая политологическая субдисциплина столько не сделала для изучения лидерства, сколько политическая психология. Вообще очень много работ, посвященных лидерству, было и у нас, и в мире в 1960–1980-е годы. Потом интерес очень сильно снизился. Причем это произошло не случайно, а в силу доминирования либеральной идеологии, которая исходила из того, что там, где лидерство, – там авторитаризм, а там, где институты, – там демократия. И поэтому лидеры не так важны, как институты. Но жизнь все поправила, и поправила настолько мощно, что теперь американцы в полной мере имеют дело с лидерством Трампа. Стало совершенно очевидно, что сменился лидер – сменился курс. А сменился курс – сменилась вся политическая система. И тогда встал вопрос о причинах. Рассуждения об этом, причем, прежде всего, многочисленные рассуждения журналистов, показывают, что они ничего не понимают: не понимают, как вообще это работает. Но это и невозможно понять, если не копнуть хотя бы чуть-чуть

поглубже личностную составляющую лидерства. Это не означает, что институты не важны, но в ситуациях кризисов, войн, глубинной трансформации политической системы без понимания феномена лидерства мы вообще ничего не можем объяснить. Я уже не говорю о том, чтобы спрогнозировать что-то.

А.В. Селезнева. *Спасибо. В продолжение темы про восприятие. Вы на кафедре в рамках своей научной школы больше 30 лет очень фундаментально – концептуально и методологически – с огромным массивом эмпирических данных изучаете политическое восприятие. Что за эти годы вам удалось понять про российское общество? Про то, как люди видят власть, лидеров, отдельные институты и страну в целом? Почему они думают одно, говорят другое, а действуют совсем иным образом?*

Е.Б. Шестопал. То, что мне удалось понять, я попыталась изложить в заключении к книге «Власть и лидеры» [Власть и лидеры ..., 2019], которая отдельно была опубликована как статья в журнале «Полис» [Шестопал, 2019 а]. Для этого пришлось приподняться над тем Монбланом эмпирических данных, которые мы за 30 лет насобирали, и попытаться понять, что же, собственно говоря, они означают с точки зрения тех процессов, которые в нашем обществе происходили и происходят. И я бы сказала, что тут есть две темы, которые меня все это время очень интересовали, и они оказались настолько глубокими, что за 30 лет мы не только не смогли их исчерпать, но и получили основу для того, чтобы заниматься этим дальше. Причем те новые подходы, методы, приемы, которые мы придумали когда-то в 1993-м году, позволили нашупать очень серьезные научные закономерности.

Так вот, первое, что я поняла и что мне кажется важным для современной политологии в целом, а не только для политической психологии, – это то, что наше общество очень сильно меняется. Оно меняется настолько быстро и настолько драматично, что никакая наука в принципе не способна уследить за этими изменениями и ухватить их. Конечно, за постсоветский период развития России наш социум стал очень сильно дробиться. Наши коллеги-социологи тоже фиксируют эту дифференциацию российского общества. Если в советское время мы в русле марксистской традиции концептуализировали эту дифференциацию в терминах классов, то сейчас мы видим, что социальные группы и страты стали очень мелкими. Мы имеем сегментацию общества, которая строится уже не вокруг каких-то отдельных крупных событий, как это было с поколениями. Например, раньше мы говорили о «поколе-

нии войны», «поколении ХХ съезда», а сейчас группы формируются вокруг вот каких-то совсем локальных и совсем незначимых, порой совершенной частных вещей, вроде рекламных слоганов, постов блогеров в соцсетях. Эти, казалось бы, малозначимые для общества в целом события или персоны капсулируют ценностные основания и связывают людей, сшивают общество таким вот пэчворком. То есть если раньше общество было сделано из крупных кусков ткани, то сейчас это маленькие-маленькие кусочки разных тканей с разным цветом, разной фактурой и так далее. И все это вместе выглядит как такая, ну я не знаю, социальная какофония, если хотите. И я думаю, что во многом, изучая восприятие, мы начали понимать, что дифференциация или, лучше сказать, распад социальной ткани очень опасно влияет на политические процессы и политическую систему. Сейчас все мы говорим о том, что необходима консолидация, но как собрать воедино вот эти кусочки, которые сложились под влиянием массы случайностей, массы каких-то малозначимых частных факторов? Это требует очень серьезной проработки того, о чем говорить у нас очень боятся, а именно идеологии. Надо думать о том, как это все сшить воедино. На какой основе? Никто не спорит с тем, что ценность патриотизма, единственная, которую упомянул наш президент, очень важна. Но на одной ценности ничего не сошьешь. Все-таки платье шьют из разных деталей, поэтому эти детали надо прорабатывать. Это первая тема, на которую нас вывели наши исследования.

Вторая тема – это, конечно, сами образы. Мы обратили внимание на то, что очень многое из того, что люди видят, определяется не их рациональными представлениями, мнениями, а именно чувствами. То есть мы думали, что все-таки человек более рациональный, а оказалось – нет. С этой точки зрения дедушка Фрейд был, в общем, очень даже прав. Человек – не рациональное существо, а существо, которое живет чувствами, мыслит образами, что и определяет его поведение вообще и поведение политическое в частности. Это очень хорошо видно, например, в выборах в электоральных процессах, когда человек идет голосовать, не зная заранее, за кого он проголосует. Но он способен принять решение, посмотрев на кандидата, которое, конечно, определяется тем визуальным впечатлением (этот термин, который Кэтлин МакГроу использует вместо понятия «образ» [McGrow, 2003]), которое производит кандидат. Эти вещи, конечно, требуют совершенно других подходов к исследованию и понимания того, что над поверхностью воды торчит только верхушка айсберга, а сам он на три четверти находится

в воде. И поэтому главная проблема, с которой мы столкнулись, заключалась в том, чтобы найти инструмент, с помощью которого можно выявить эти чувства.

Опыт наших исследований показал, что стандартные методы, которыми пользуются во всем мире для изучения мнений, уже не работают. Эти мнения, как выяснилось, далеко не всегда являются надежной основой для прогноза, а, следовательно, нужно искать какие-то другие механизмы, с помощью которых можно изучать общество. Не случайно, что после того, как мы много лет занимались и продолжаем заниматься восприятием, мы обратились к теме, связанной с психологическим состоянием общества. Что там вообще варится, в этой толще социума, мы это совершенно не понимаем. И наши коллеги из числа психологов, с которыми мы поддерживаем профессиональные отношения, в частности Тимофей Александрович Нестик, Татьяна Петровна Емельянова и многие другие, тоже ищут такие подходы, с помощью которых можно зацепить это состояние и попробовать его оценить. Причем это состояние очень подвижное, оно не будет ждать, когда мы две недели будем обрабатывать данные. Поэтому возникают две задачи: первая – попробовать зафиксировать состояние в данный конкретный момент, а вторая – сделать это достаточно оперативно, потому что через день-другой это состояние может измениться. И что мы тогда будем делать с тем, что мы мерили вчера, если оно сегодня уже неадекватно? Сейчас социологи с этим очень плотно столкнулись. Видела интервью В. Федорова, который говорил о том, что они все больше переходят на опросы в интернете, поскольку на телефон люди реагируют нервно, и вообще телефонные опросы отживаются, и очень скоро мы, может быть, вообще перестанем пользоваться этим методом. Но мне кажется, люди к телефону относятся с подозрением, поскольку мошенники замучили. Люди реагируют нервно, потому что им кажется, что социолог вмешивается в их внутреннее пространство. Это другая проблема. Люди не готовы разговаривать. Достоверность получаемых результатов связана с многими факторами. Поэтому мне кажется, что политическая психология дает гораздо больше возможностей для погружения в общественное сознание, чем стандартная социология. Мне кажется, что репрезентативные выборки – это вещь, которая давно уже в политической психологии и политической социологии вызывает большие вопросы. И не случайно покойный Игорь Бунин, который был связан с выборами, много-много лет назад перешел от массовых опросов к фокус-группам, что, в об-

щем, не является такой вот жесткой социологией. Именно качественные методы улавливают на глубинном уровне важные вещи, которые потом нуждаются в количественной перепроверке. Вот без этого глубокого зондирования массового сознания, как и сознания отдельного человека, ничего не получается. Поэтому с этой точки зрения мне кажется, что качественные методы, в том числе проективные и другие «тонкие» инструменты, не только совершенно не теряют своей значимости, а наоборот – чем дальше, тем больше они будут иметь значение. Но здесь всегда возникает проблема интерпретации. Для этого нужна теория, которая могла бы объяснить, а что эти данные означают. Без этой теории мы остаемся с морем эмпирики, которая, в общем, ничего нам не дает, потому что мы не можем понять смыслы, которые она несет. И это одна из таких больших проблем всей гуманитарной науки.

А.В. Селезнева. *Спасибо. Любая научная отрасль или область, с одной стороны, выполняет сугубо научную функцию по приращению научного знания, а с другой стороны, она выполняет социальные функции для человека, общества, государства. В чем, на ваш взгляд, заключаются социальные функции политической психологии? Чем она полезна? Чем помогает людям и власти?*

Е.Б. Шестопал. Мне кажется, что любая социогуманитарная наука имеет своей миссией – я не побоюсь этого громкого слова – все-таки обращение не к власти, а к народу, к обществу, которому она должна растолковывать что-то про него самого. Потому что, когда общество неосознанно что-то делает – в политическом или социальном плане – это всегда получается плохо. Это недоосознанность тех проблем, с которыми люди сталкиваются, неартикулированность тех эмоций, которые переживаются, и отсюда возникают всякие социальные и психологические деформации и дисфункции. Поэтому мне кажется, что главная функция нашей науки – психотерапевтическая. Объясняя людям, что они на самом деле чувствуют, мы можем помочь им преодолеть конфликтогенность, которая все больше угрожает современному обществу. Но это одна функция.

Вторая функция, как мне кажется, это как раз функция консолидации. Любая политико-психологическая задача, которую мы решаем, предполагает, что мы должны что-то рассказать людям и объединить их. Не так давно ко мне обратились журналисты, которые снимали фильм о Трампе. То, что мы слышим с экранов телевизоров, в соцсетях, это все мнения экспертов, большинство из которых не являются экспертами по лидерству. Они, может быть,

эксперты по международным отношениям, по американистике и так далее, но они не знают ровным счетом ничего о нем как о личности и его лидерстве. При этом очень важно и для нашей власти, и для наших дипломатов – понимать движущие пружины, которые, так сказать, запускают его политические кампании. Объяснять это власти – это, в общем-то, задача номер один. Но и объяснять нашему обществу – не менее важная задача. Например, когда политический психолог как эксперт выступает где-то в средствах массовой информации, то он тоже занимается объяснением того, что на самом деле думает и чувствует какой-либо политический деятель или что с самим обществом происходит. Тем самым он объединяет власть и общество.

У науки есть уникальная возможность объяснять власти те проблемы, которые зреют в обществе. Иначе проглядят и наделают больших ошибок, и сами будут от этого страдать. Миссия эксперта состоит в том, чтобы объяснить власти то, что происходит на самом деле. Эта экспертная функция недооценена. Не случайно у нас, в общем-то, экспертные площадки не очень развиты. Их много, но экспертизы на них мало. И главное, что здесь есть ограничения, которые создаются неразвитостью самих площадок, критикой наших собственных работ. У нас почти исчез жанр рецензий, причем не сейчас, он исчез еще в советские времена, хотя тогда рецензии хотя бы публиковали, а сейчас это происходит крайне редко. Причем речь идет не о том, чтобы «наехать» на кого-то из авторов, а обсудить вопрос по существу. Действительно, критический анализ для ученого – это вещь необходимая. И с этим пока что не очень налаживается. Но я думаю, что со временем эта функция все-таки как-то вернется и будет востребована.

Что же касается результатов исследований и к чему они нас привели, то, во-первых, они показали, что, несмотря на очень неблагоприятный международный климат, очень большие сложности, которые мы испытывали в те же 1990-е годы, начиная с 2014 г., мы начали возвращаться к самим себе. Это то, что мы узнали, и это не может не поражать воображение. Понимаете, казалось бы, мы полностью присвоили себе эти западные дискурсы, западные ценности, западные способы мышления и так далее, а народ оказался устойчивым по отношению к этим воздействиям, намного более устойчивым, чем можно себе представить. Это один из тех удивительных моментов, который не может не поражать. Причем это связано именно с данными, которые мы получили. В течение нескольких последних лет мы работали над проектом, который изу-

чает образ страны в сознании российских граждан. Как это ни парадоксально, Россия, которая вплоть до 2014 г. воспринималась нами сквозь черные очки, странным образом с началом СВО стала видеться гражданам как великая держава. И это не формальная, навязанная сверху, а подлинная патриотичность. Откуда это взялось? Ведь в течение всех 1990-х годов нас уговаривали, что мы не просто отсталые, а что мы бензоколонка и ничего больше. И вдруг мы в своих исследованиях видим, что патриотизм – удел не только старшего поколения, но и молодых людей. Такое впечатление, что этот образ как бы всплыл из глубин нашей традиции.

А.В. Селезнева. Ну, значит, культура имеет значение.

Е.Б. Шестопал. Культура, традиции сильнее всех этих наносных дискурсов и заимствований. Это рябь на поверхности воды, это пена, которая ушла. Я не уверена в том, что там не остались какие-то шрамы. Безусловно, остались. Но именно через культуру, через настоящее воспитание в принципе страна выжила. И это удивительно и оптимистично, несмотря ни на что.

А.В. Селезнева. Спасибо. И завершающий вопрос. Что вам сейчас как политическому психологу интересно, чем вы занимаетесь? Что вас увлекает? Какие, может быть, размышления на перспективу сейчас в вашей голове есть?

Е.Б. Шестопал. Увлекают меня, как всегда, новые розы в моем саду. Это, кстати, бессменные фавориты моих размышлений. Но если серьезно, то, конечно, я думаю, что происходят значимые изменения внутри массового сознания. Меня, прежде всего, волнует вопрос о том, куда это все может привести. И если говорить о темах, которые в последнее время я и мои коллеги обсуждаем, то это, конечно, образы будущего. Вообще само будущее, как выяснилось, очень «подударно», как говорил когда-то мой редактор. И интересно заглянуть не в само будущее, поскольку состоится оно или нет, не очень понятно, а в то, каким оно видится нашим гражданам. Было бы очень здорово, если бы мы сумели продвинуться в этом направлении и увидеть будущее не только вообще – будущее в технологиях, в искусстве, в образовании, в науке, а еще и будущее в политике. Я очень благодарна коллегам, которые пришли к нам на круглый стол в марте этого года¹, где состоялась

¹ Круглый стол «Возможности современной политологии в исследовании и проектировании образа будущего России» прошел 21 марта 2025 г. в рамках Международного научного симпозиума «Политические науки в Московском университете: от профессора политики к факультету политологии» / Факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

очень интересная дискуссия, и оказалось, что есть проблемы, которые действительно нужно обсуждать. Мне кажется, что этот междисциплинарный широкий разговор дал нам такой хороший толчок к размышлению и было бы очень интересно посмотреть на то, какие представления об этом будущем есть в обществе, в массовом сознании, на эмпирическом материале. Это было бы очень интересно потрогать руками. И я надеюсь на то, что в ближайшее время мы сумеем продвинуться в этом направлении.

А.В. Селезнева. *Спасибо большое, Елена Борисовна, за интересный разговор. И будем надеяться, что в следующих номерах журнала мы увидим уже результаты осмыслиения этого массива эмпирических данных.*

**«The main function of our science is psychotherapeutic»:
The interview of Antonina V. Selezneva
with professor Elena B. Shestopal**

For citation: «The main function of our science is psychotherapeutic»: The interview of Antonina V. Selezneva with professor Elena B. Shestopal. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 161–173. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.07>

References

- Bunin I.M. *The bourgeoisie in modern French society: Structure, psychology and political positions*. Moscow: Nauka publishing house, 1978, 288 p. (In Russ.)
- Diligensky G.G. *Social and political psychology*. Moscow: Publishing house “Novaya Shkola”, 1996, 351 p. (In Russ.)
- McGrow K.M. Political impressions: Formation and management. In: Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (eds). *Oxford handbook of political psychology*. Oxford: Oxford university press, 2003, P. 394–432.
- Roshchin S.K. Political psychology. *Psichologicheskii zhurnal*. 1980, Vol. 1, N 1, P. 141–157. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science*. 2019, N 49, P. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18> (In Russ.)

- Sherkovin Yu.A., Stolbun E.B. Lenin's legacy and the psychology of politics (on the 110th anniversary of Lenin's birth). *Voprosy psichologii*. 1980, N 3. Access mode: <http://www.voppsy.ru/issues/1980/805/805005.htm> (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *Authorities and leaders in perception of Russian citizens (1993–2018)*. Moscow: Publishing house “Ves' Mir”, 2019, 656 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *New trends in Russian political mentality: Putin 3.0*. Lanham: Lexington books, 2016, 396 p.
- Shestopal E.B. (ed.). *Putin 3.0: society and power in the modern history of Russia*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2015, 420 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Introducing the section. The human dimension of politics. *Polis. Political studies*. 2013, N 6, P. 6–8. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Political and psychological paradigm and behaviourism. In: Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds). *Contemporary political science: Methodology: Scientific edition*. Moscow: Aspekt-Press, 2019 b, P. 366–388. (In Russ.)
- Shestopal E.B. *Political psychology: a textbook for universities*. Moscow: Aspekt-Press, 2018, 368 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. *Political psychology: a textbook for universities*. Moscow: Aspekt-Press, 2022, 591 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Quarter-century-long project: study of the images of authorities and leaders in Post-Soviet Russia (1993–2018). *Polis. Political studies*. 2019 a, N 1, P. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02> (In Russ.)
- Shestopal E.B., Selezneva A.V. (eds). *Human capital of Russian political elites. Political and psychological analysis*. Moscow: Russian association of political science (RAPN); Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2012, 342 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Selezneva A.V. (eds). *Modern elite of Russia: a political and psychological analysis*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2015, 448 p. (In Russ.)
- Yuryev A.I. *Introduction to political psychology*. Saint Petersburg: Publishing house Saint Petersburg university, 1992, 227 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бунин И.М. Буржуазия в современном французском обществе: структура, психология, политические позиции. – М.: Наука, 1978. – 288 с.
- Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Весь Мир, 2019. – 656 с.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – 351 с.
- Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Е.Б. Шестопал [и др.]; под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 420 с.
- Роцин С.К. Политическая психология // Психологический журнал. – 1980. – Т. 1, № 1. – С. 141–157.
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>

- Современная элита России: политico-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 448 с.
- Человеческий капитал российских политических элит. Политico-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 342 с.
- Шерковин Ю.А., Столбун Е.Б. Ленинское наследие и психология политики (к 110-летию со дня рождения в. И. Ленина) // Вопросы психологии. – 1980. – № 3. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1980/805/805005.htm> (дата посещения: 30.06.2025).
- Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. – 2019 а. – № 1. – С. 9–20. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
- Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 6–8.
- Шестопал Е.Б. Политico-психологическая парадигма и бихевиоризм // Современная политическая наука: методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2019 б. – С. 366–388.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 368 с.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 591 с.
- Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 227 с.